

Глава 43. Сорок три

В первый миг после пробуждения он ощутил тупую, тянущую боль в глубине живота. Это знакомое до боли чувство не оставляло сомнений — он безумно хотел есть. С тех пор как Ли Мэн отправился в путь вслед за Чжао Лои, он навсегда перестал быть изнеженным молодым господином, не ведающим земных лишений.

Ли Мэн растерянно сел, придерживая вывихнутую кисть, и попытался сообразить, сколько времени проспал.

Сквозь щели в разошедшейся двери пробивались тонкие лучи света — яркие, режущие глаза; судя по всему, на дворе стоял день. В дровянике было сыро и темно. Повсюду витал удушливый, всепроникающий запах плесени. Ли Мэн, чей нюх от природы был куда острее, чем у обычных людей, едва сдерживал позывы к рвоте.

Он бессильно откинулся на груды дров и сделал глубокий вдох, но из груди невольно вырвался стон — надсадный, испугавший его самого.

В горле невыносимо похало, опухшие веки едва приоткрывались, а вывихнутое запястье отзывалось острой, сверлящей болью при каждом движении. По телу пробежал озноб — пронизывающий холод дровяника наконец пробрал его до костей. Ощущения возвращались к нему одно за другим, безжалостные.

Снаружи слышался чей-то негромкий говор. Из-за сильного жара и раскалывающейся головы Ли Мэн не мог разобрать слова, но сразу понял: голоса чужие.

Раздался скрежет отпираемого замка. Щурясь, юноша вяло поднял руку, чтобы прикрыть глаза от хлынувшего света. Никогда ещё он не бывал в столь жалком положении. И всё же, если сравнивать с минувшей ночью, когда его силой вжимали в грязный пол, сейчас, в относительном покое, ему было гораздо лучше.

Один из слуг Башни Десяти Направлений принёс пресную булочку-маньтоу и жидкую рисовую кашу. Поставив миску у самого порога, он торопливо захлопнул дверь и защёлкнул замок, словно опасаясь, что пленник бросится наутёк.

Ли Мэн криво усмехнулся и с трудом пошевелился. Во рту пересохло так, что пресный хлеб казался сухой глиной, царапающей горло; глотнуть его было выше сил. Тяжело дыша, юноша прислонился спиной к стёсаным брёвнам стены. Немного переведя дух, он осторожно отпустил ноющее запястье и, взяв миску здоровой рукой, сделал глоток тёплого отвара.

Тёплая жидкая каша мягко скользнула в желудок, принесла мимолётное облегчение. Шмыгая носом, он медленно ел, безучастно глядя на запертую дверь.

«Может, когда этот малый вернётся за посудой, попробовать сбежать?» — вяло подумал он.

Но тут же покачал головой. Горячка путала мысли, лицо заплыло от побоев, а всё тело ныло так, будто его четвертовали. Бежать в таком состоянии было чистой глупостью.

Ли Мэн сидел неподвижно. Посуду никто не забирал: скорее всего, в Башне сейчас вовсю хлопотали, готовясь к похоронам Вэнь Сюя.

Несмотря на жёсткую постель, сон всё же вернул ему немного сил.

Цюй Линьхань солгал. И если раньше старейшины Башни сомневались в его словах, то теперь главным лжецом в их глазах выглядел сам Ли Мэн. Оружие, которым убили Вэнь Сюя, принадлежало Чжао Лои, но когда все ворвались в комнату, именно Ли Мэн сжимал его в руках. Картина идеальная: убийца пойман на месте преступления с поличным.

Единственной загадкой оставался мотив. Зачем ему было убивать Вэнь Сюя?

Показания Цюй Линьханя полностью опровергали версию Ли Мэна о том, что их обоих опоили дурманом и они ничего не помнят. Более того, Чжао Лои сам, своими руками, состряпал для него этот мотив. В его памяти яркой вспышкой пронеслись сцены ночного допроса в покоях покойного мастера, произошедшего перед тем, как его бросили сюда.

Юноша глубоко вздохнул.

Чжао Лои прилюдно признал свою вину в том, что недоглядел за учеником, и перед лицом всей Башни Десяти Направлений раскрыл тайну происхождения Ли Мэна. Теперь, когда правда о его семье выплыла наружу, любые сомнения отпали сами собой. Его легко могли счесть шпионом, посланным императорским двором. Ведь совсем недавно Вэнь Сюй наотрез отказался идти на сделку с властями.

Выходило, что его собственный наставник и старший брат сговорились, чтобы повесить на него смерть великого мастера. Он горько усмехнулся, но это не согрело его взгляда. Внезапно Ли Мэна затрясло. Он запрокинул голову, тяжело сглотнул, чувствуя, как бешено заколотилось сердце, а дыхание перехватило.

«А почему бы и нет? — прошептал внутренний голос. — Вдруг это и есть правда?»

Эта мысль мёртвой хваткой вцепилась ему в горло. Воздуха перестало хватать. И лишь когда снаружи заскрипели петли открывающейся двери, он наконец смог сделать судорожный вдох.

Когда на пороге появился Чжао Лои, Ли Мэн инстинктивно вжался в угол. Лицо его побледнело.

Дверь за спиной мужчины со скрипом закрылась, оставив лишь узкую щель, сквозь которую внутрь проникал тусклый дневной свет.

— Подойди, — холодно велел Чжао Лои, глядя на ученика сверху вниз.

Ли Мэн прикусил губу. Впервые в жизни он проигнорировал приказ наставника. Сжавшись в комок среди грязной соломы и щепок, он выглядел бесконечно несчастным.

— Нужно вправить сустав, — произнёс Чжао Лои.

— Не нужно, — упрямо бросил Ли Мэн и вскинул голову.

При виде его измученного, покрытого багровыми кровоподтёками и распухшего лица Чжао Лои невольно помрачнел.

Ли Мэн сидел поникший, обхватив здоровой рукой колено. Покалеченная кисть плетью свисала до самого пола.

Чжао Лои шагнул вперёд и опустился перед ним на корточки.

— Больно?

Ли Мэн промолчал.

— Должно быть, невыносимо, — тихо, почти отрешённо проговорил Чжао Лои. Ему совсем не была свойственна подобная мягкость.

Он осторожно взял юношу за руку. Ли Мэн попытался вырваться, они безмолвно противостояли друг другу несколько секунд, но силы были слишком неравны. Ли Мэн проиграл. Он проиграл в этой борьбе, как проиграл и в споре о доверии. Этот суровый мужчина перед ним обладал сердцем из гранита — непробиваемым, безучастным ко всему на свете.

Раздался едва различимый сухой щелчок. Волна дикой боли ударила по нервам. Лицо Ли Мэна мгновенно вспыхнуло, а на глаза навернулись слёзы.

— Вот и всё, — Чжао Лои тяжело выдохнул.

Он словно не решался встретиться взглядом с учеником и намеренно отвёл глаза. Ли Мэн видел лишь его гладкий, бесстрастный лоб. Наставник даже не смотрел на него. В этот миг он почувствовал себя хрупкой глиной в руках безжалостного мастера — тот мог мять его душу как угодно, придавая ей любую форму.

— Всё ещё болит? — Чжао Лои бережно ощупал отёкшее запястье, разминая ладонь юноши и проверяя, правильно ли встала кость.

— Отвечай! — его резкий, требовательный тон оборвался на полуслове.

Крупные, горячие слёзы одна за другой закапали на его ладонь. Мужчина едва заметно нахмурился, лицо его окаменело.

Сделав глубокий вдох, Чжао Лои заставил себя успокоиться и наконец внимательно взгляделся в измученное лицо ученика.

Всего за одну ночь от былой живости и дерзости Ли Мэна не осталось и следа. Вид его покрасневших, полных слёз глаз и обиженно поджатых губ пробудил в груди Чжао Лои странное, незнакомое доселе чувство. Это была щемящая, тупая боль. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Сбитый с толку, он опустил взгляд и невольно прижал ладонь к левой стороне груди.

«Неужели это связь из-за Гу матери и дитя?» — озадаченно подумал он, чувствуя, как мелко дрожат веки.

— Всё позади. Не бойся.

«Зачем он меня обнимает?» — отрешённо подумал Ли Мэн, бессильно роняя голову на плечо наставника.

Слёзы катились по его щекам горячими ручьями. Чжао Лои сжал его в объятиях с такой силой, что у юноши перехватило дыхание.

— Я умру? — дрожащим от рыданий голосом спросил Ли Мэн. — Я не хочу умирать.

Перед мысленным взором Чжао Лои замелькали обрывки воспоминаний. Ли Мэн всегда до ужаса боялся смерти. Именно из страха за свою жизнь он когда-то согласился прислуживать Сяо Чанчу, едва не сорвав весь их замысел. И по той же причине, едва услышав от Сунь Тяньиня, что яд его не убьёт, он воспрянул духом, вновь став весёлым и беспечным юношей. Когда Чжао Лои только забрал его из Линьчжоу, парень напоминал нелюдимого, вечно настороженного маленького старичка. И вот теперь он стоял перед ним, полностью раскрывшись и доверив ему свою душу.

Чжао Лои шевельнул губами, но так и не произнёс ни слова. Лишь мягко погладил ученика по спине, пытаясь успокоить.

— Но если я всё-таки умру... ты исполнишь мою просьбу? — Ли Мэн снова разрыдался, шумно шмыгая носом. Он слегка отстранился и преданно заглянул наставнику в глаза, будто

безмолвно умоляя запомнить каждое слово. — Выясни, кто на самом деле обрёк моего отца на смерть. Найди этого человека и убей его. Отомсти за нас.

Опасаясь отказа, он торопливо добавил:

— Ты сможешь. Я знаю.

Чжао Лои со сложным выражением лица посмотрел на него и наконец кивнул.

Ли Мэн облегчённо обмяк, ссутулившись и вытянув затекшие ноги, словно уставший после долгой игры ребёнок.

— Я не убивал великого мастера, — тихо, с обидой в голосе прошептал он.

Слова застряли в горле. Ли Мэн поднял глаза на Чжао Лои, но лицо наставника оставалось бесстрастным. Из-за выступивших слёз очертания его фигуры поплыли, и показалось, будто тот отдаляется, уходя во тьму.

Чжао Лои резко нахмурился. Внезапным, порывистым движением он снова притянул Ли Мэна к себе и, прижавшись губами к самому его уху, глухо выдохнул:

— Знаю.

Юноша оцепенел от неожиданности.

— С твоими силишками разве что лошадей травить, а для убийства ты ещё слишком мал, — добавил Чжао Лои.

Он прекрасно понимал: Ли Мэну ни за что не удалось бы подобраться к такому мастеру, как Вэнь Сюй, да ещё так, чтобы тот ничего не почувствовал. Но вслух озвучивать эти мысли наставник не стал.

Заметив растерянность на лице ученика, Чжао Лои легонько щелкнул его по лбу, но тут же нахмурился:

— Почему ты такой горячий?

Шершавая, покрытая мозолями ладонь легла на лоб юноши.

— У тебя жар?

— Шифу, так ты действительно веришь, что это не я? — Ли Мэн тяжело дышал, но в его глазах вспыхнул робкий огонёк надежды.

Этот искренний взгляд едва не заставил Чжао Лои отвернуться — настолько не по себе ему стало под этим чистым взглядом.

— Будь ты чуть сообразительнее, не угодил бы в эту ловушку, — строго произнёс он. — Тебя же обвести вокруг пальца — раз плюнуть.

Кожа Ли Мэна так и пылала, губы потрескались и запеклись кровью. Но едва услышав, что наставник верит в его невиновность, юноша словно преобразился: от давешнего уныния не осталось и следа.

— Гадатель определил день похорон — через неделю. Один день уже прошёл. В день выноса гроба, до рассвета, когда двинется траурная процессия, к тебе придёт Цюй Линьхань. Уходи с ним. Вы должны добраться до Наньчжоу, в Обитель праздных, к господину Суню. Помнишь про Гу матери и дитя внутри тебя?

Ли Мэн заторможенно кивнул.

— Его нужно извлечь ровно через шесть месяцев после подселения, чтобы навсегда избавить тебя от паразита, которого внедрила Сяо Чанчу. Я прибуду в Обитель праздных до наступления седьмого месяца.

Чжао Лои замялся, словно собирался сказать что-то ещё, но передумал. Вместо этого он положил ладонь на затылок юноши и снова крепко прижал его к своей груди.

Ли Мэн из-за сильного жара соображал туго. Каждое слово давалось ему с трудом, горло немилосердно драло, будто по нему прошлись наждаком:

— Обещай, что придёшь как можно скорее. Я буду ждать тебя.

Чжао Лои слегка отстранил его и заглянул в лицо, а затем прислонился своим лбом к его горячему лбу.

Ли Мэна охватила невыразимая тоска, смешанная с дурным предчувствием.

— Я обязательно буду ждать, — прошептал он. — Пока ты не придёшь в Обитель праздных, я никуда не уйду. Скажи... если мы не успеем вовремя извлечь Гу, я умру?

— Нет, — Чжао Лои с трудом сглотнул, не отрывая глубокого, темного взгляда от лица своего юного ученика. — Но если паразит успеет добраться до разума... ты можешь кое-что забыть.

Он произносил слова медленно, взвешивая каждое из них.

Ли Мэн слабо улыбнулся:

— Ничего страшного. Если я забуду, шифу мне напомнит. Главное — приди. Даже если задержишься, всё равно приди.

Каждое глотательное движение отдавалось резкой болью, заставляя его морщиться.

— Как только закончишь со своими делами, сразу возвращайся ко мне. Я буду ждать.

В полумраке сквозящего дровяника дыхание обоих мужчин сделалось тяжёлым и прерывистым. В тишине был отчётливо слышен каждый вздох.

— Ли Мэн, — негромко позвал Чжао Лои.

— А?

— Кажется, я знаю, кто убил моего наставника. Моя матушка когда-то упоминала об этом... Но это долгая история. Так или иначе, в день похорон я выманю ищеек императорского двора, присланных за Свитком Сотни Оружий. Кто бы они ни были, живыми им отсюда не выбраться.

Павильон Сулинь наводил ужас на всю Поднебесную, и Ли Мэн понимал, что Чжао Лои идёт на смертельный риск, не имея твёрдой уверенности в успехе. Но Башня Десяти Направлений была делом всей жизни Вэнь Сюя, вырастившего Чжао Лои. Ничто не могло удержать его от мести.

Ли Мэн покорно кивнул:

— Когда вернёшься, у нас будет уйма времени. Расскажешь мне всё по порядку.

Чжао Лои глухо хмыкнул. Он осторожно приподнял лицо юноши, зарывшись пальцами в его волосы на затылке, и властно накрыл его губы своими.

Этот поцелуй оказался яростнее и отчаяннее всех прежних. Потрескавшиеся губы Ли Мэна вновь закровоточили, и металлический привкус крови лишь сильнее разжёл их обоих.

Горячее дыхание смешалось, не давая отстраниться ни на миг. Чжао Лои скользнул ладонью вниз, оглаживая тонкую талию юноши. Это незрелое тело и сокрытая в нём чистая, неповторимая душа были теперь его единственной привязанностью, единственной нитью, державшей его в этом мире.

— На какие бы опасные дела я ни шёл, мне никогда не было страшно. Даже тогда... — Чжао Лои прерывисто вздохнул, коснувшись большим пальцем старого шрама на надбровной дуге. — Даже во время моего самого первого выхода. А в этот раз... всё иначе. Ну и обуза же ты для меня.

Мужчина шутливо шлёпнул Ли Мэна ниже спины и тяжело вздохнул.

— Я не всегда буду обузой! — упрямо буркнул Ли Мэн, вскинув подбородок.

— Посмотрим, доживу ли я до тех пор, пока от тебя будет хоть какой-то толк, — с лёгкой издёвкой отозвался Чжао Лои.

Снаружи послышался негромкий стук в дверь.

Оба мгновенно замолчали. Ли Мэн проследил взглядом за тем, как наставник поднялся и приоткрыл дверь.

— Господин Таоте повсюду ищет вас, господин Чжао. Не могли бы вы подойти к нему? — донёсся почтительный голос слуги.

Ли Мэн заметил, как Чжао Лои обернулся, чтобы бросить на него прощальный взгляд. Но в густом полумраке лица наставника было не разглядеть.

— Иду, — коротко бросил Чжао Лои и шагнул за порог, притворив за собой дверь.

Вновь погружившись в темноту, Ли Мэн ощутил, как на сердце потеплело. Напряжение отступило, и он, свернувшись калачиком в углу дровяника, мгновенно заснул глубоким, безмятежным сном. В полубытьи он облизнул потрескавшиеся губы. Вкус засохшей крови показался ему странно сладким.

<http://bllate.org/book/18266/1819693>